

Копипаста: Крееры: Стукач — Lurkmore

Прежде, чем я начну свое повествование, давайте кое-что проясним. Я не наркоман и не алкоголик, никогда не имел проблем с нервами или психикой, о галлюцинациях только слышал. Знаю, все сумасшедшие так говорят, но поверьте, после случившегося я добровольно записался к мозгоправам, потому что начал сомневаться в собственном душевном здоровье. Оно оказалось абсолютно исправно.

К сожалению.

Честняк, аноны, для меня сейчас было бы огромным облегчением получить путевку в жёлтый дом с выпиской о шизофрении или каком-нибудь другом серьезном расстройстве. В таком случае получилось бы, что я ненормален, то есть, всего лишь сбился с курса прописанной человеками нормы. А теперь получается, что ненормален окружающий мир. Но миру-то никто норм не прописывал, так? Ученые мужи и по сей день не в силах объяснить целый список явлений и парадоксов. Это наталкивает меня на нехорошую мысль: возможно то, что стало самым безумным кошмаром в моей жизни, для мира на самом деле является совершенно естественным порядком вещей. И происходит постоянно. На каждом углу. Возможно, даже каждую секунду.

Но давайте обо всем по порядку.

Начинается моя история более чем мирно. Несколько лет назад я представлял из себя распиздяистого студентика, который вспоминал об учёбе только в разгар сессии, а остальное время делил между шашлычными посиделками, войной за бабское внимание и WoT'ом. Последний пункт и стал отправной точкой моего повествования. На форуме танкистов я познакомился с одним чуваком... назовем его Н. Наше плодотворное боевое сотрудничество скоро переползло на уровень контактовой дружбы, а позже вылилось в длительные печатные беседы, которые с течением времени становились ламповее и душевнее. Хотя Н. стал первопричиной всех моих нынешних проблем, я все равно не могу думать об этом человеке без уважения. Это был прямо-таки не по годам эрудированный парень с широким кругозором, что нечасто встречается среди ВоТеров (простите, ежели кого обидел). Впрочем, столь интересные собеседники в принципе встречаются нечасто.

Н. был немного старше меня и прожил весьма непростую жизнь. Когда мы познакомились, минул едва ли год со смерти его последнего живого родственника, деда по отцовской линии. Что случилось с остальными членами семьи — не знаю. Он никогда не говорил об этом, а я считал бестактным вести расспросы на такую тему. Но вместо того, чтобы забить на учёбу и утопить печаль в дешевом спирте, Н. вложил каждую секунду полученной свободы в свое будущее. Всклакивал затемно, отправлялся на какие-то подработки в местных заведениях, после ехал в столицу на вечерние занятия. К началу описанной в моем рассказе заварухи он уже закончил худвуз и преподавал рисование в местной школе, а параллельно творил всякие интересные штуки — писал потртреты, продавал в интернете пейзажики и даже расписывал храмы. Временами я завидовал столь романтичному образу жизни. Хотя на деле менее всего хотел бы променять прелести столицы на тесную, пропахшую разбавителем для красок квартиру в Подмосковье.

Всю жизнь у Н. была только одна крыша над головой. Располагалась она в одной из подраздолбанных хрущевок Правдинского поселка. Что, не слышали о таком?

До знакомства с Н. я и сам не слыхивал. Специфическая, но забавная локация примерно в полуторах часах электричковой езды от моего родного ДС. Недалеко от Правдинского есть две замечательные вещи. Во-первых, здоровенный дикий лес с болотами, буераками, сосняками и прочим декором из рассказов Виталия Бианки; а во-вторых, нехилое такое водохранилище, по своему великолепию ничем не уступающее естественным водоемам. Не в последнюю очередь я решил навестить эту глухомань из-за водохранилища.

Вышло всё так: я и Н. практически одновременно расстались со своими тнями. Я чуть раньше, он чуть позже, но один хрен. Я предался нытью и депре, а Н. в силу своего жизнелюбия быстро вспомнил о принципе «если тебе достался лимон, то проси к нему соль и текилу». Нет девушки — есть холостяцкая свобода! Решив приподнять настроение нам обоим, он пригласил меня на уик-энд к себе в гости: порыбачить. Да, это было одно из наших общих увлечений. Хотя последний раз я держал в руках удочку пять лет назад, но готов был отдать многое за возможность вновь побаловать себя таким времяпровождением.

В итоге я отдал гораздо больше, чем рассчитывал. Но, как уже говорилось, обо всём по порядку.

В общем, долго уговаривать меня не пришлось. С начала недели я едва мог усидеть на месте, предвкушая славные пацанские выходные с дешевым алкоголем, плеском рыбьих тушек в пластиковом ведре и стрекотанием цикад под жарким полуденным солнцем. Утром пятницы я схватил заранее приготовленный рюкзак и отправился к Ярославскому вокзалу. Впереди меня ждали три выходных, два из которых я собирался провести в отличной компании. Хорошее настроение так и перло.

Хотел бы я поэтично расписать красоты Правдинского, но пошли они к черту по двум причинам: во-первых, кому оно надо; а во-вторых, я не особенно их запомнил. В памяти осталось только четкое

разделение окрестностей на две половинки. Одну, скучную, занимали свежие коттеджи толстосумов и дачные новострой. А вот вторая, куда более интересная — сплошной привет из девяностых. Рядом с лесным массивом законсервировались пятиэтажки, гаражи-коробочки с облезающей краской, заплесневелые ларьки, в которых продавали просроченную колу и их собратья-«стекляшки» с дебильными названиями. Но самой забавной частью поселка были местные аборигены, всем своим видом и манерами дававшие понять, что класть им на течение времени.

Н. встретил меня у станции. Вскоре мы уже тарилась товарами первой рыбацкой необходимости: пивом, хлебом, ветчиной, пивом, воблой (а вдруг не нарыбачим нихрена), сигаретами, сухариками, пивом, пивом, пивом. ИРЛ Н. оказался столь же занятым собеседником, сколь и в сети, а потому время летело незаметно. В общем-то, ничего интересного припомнить не могу. Так называемая «рыбалка» превратилась в смесь из экскурсии по местности, бухаловке, хлопанью комаров и попыток искупаться. Мы словили только пару захудалых ротанов, но это не испортило веселья.

Которое я, к слову, тоже не очень запомнил.

А вот момент, с которого все начало незаметно катиться по наклонной — запомнил. Хорошо запомнил.

Под вечер, когда мы с Н. уже направлялись к его берлогу, на глаза нам попался ржавый скелет отечественной машинки. Он торчал прямо из травы, стелившейся у самой кромки леса. Возле него сновала пара мальчишек. Не сдержав любопытства, мы спросили, зачем они возятся с этой рухлядью. Пацаны сказали нам, что ловят ящериц. Дал знать о себе нерастраченный рыбацкий азарт — мы решили помочь им и дружно перевернули ржавчину набок.

Открывшееся зрелище запомнилось мне надолго. В одной из рытвин, которую прочертило железо, шевелился клубок маленьких коричневых тел. Похоже, мы распотрошили ящериное гнездо или что-то вроде того. От двух пьяных мужиков, ворочающих металлолом, не стоит ожидать аккуратности — ящериные тела, покореженные и раздавленные, истекали кровью. Некоторые из зверьков в агонии отбрасывали хвосты, которые конвульсивно бились на телах их умирающих товарищей, другие тщетно пытались уползти на покалеченных лапках.

Настроение сразу испортилось. Ни у кого не было намерения играть в живодеров. Мы, конечно, хотели выудить ящериц, но вовсе не собирались убивать их или калечить. Просто не удосужились подумать головой прежде, чем действовать.

Я вот не шибко суеверен... но временами все же задаюсь вопросом, а не получил ли предупредительный знак таким образом? Если да, то десяток рептилий отдали свои жизни зря. Сорян, чешуйчатые. В тот день я был свободным пьяным холостяком, отрывающимся вдали от повседневной рутины, и не собирался позволить кучке ящериц испортить мой уик-энд. Тогда я вообще быстро забыл о них. Вспомнил гораздо позже, когда... ну да, обо всем по порядку же. Короче, извинились мы с Н. перед мальчишками за наш кровавый фэйл и отправились дальше, в квартиру, к толчку и компу.

Домашние посиделки пошли как по маслу — тупо и весело. Мы угорали с каких-то модов, стримеров, обновлений и прочего стаффа. В двух шагах от хрущевки, где жил Н., стоял ночной магазин с придурочным названием «Тийна». Внутри висели плакаты тридцатилетней давности с пост-советскими зайчатами и продавалось пиво в пластике, которое, кажись, в деда этим плакатам годилось. Зато о сухом законе там даже не слышали. Типично местная тема такая. Эта «Тийна» снабжала нас алко и табако весь вечер, и, не сомневаюсь могла бы проснабжать ещё всю ночь.

Но нагрянул главгерой моей россказни.

Явился он в самый разгар движухи. Наконец-то Н. врубил World of Warships, начав посвящать меня в тайны геймплея. Я разрывался между уважением к товарищу и желанием отобрать у него мышку, когда услышал... это. Глухой, но отчетливый стук в дверь. «Бух-бух. Бух-бух. Бух-бух.» Словно пародия на звуки сердца. Стучали так ритмично, что поначалу я списал это на звуки ремонта. Ну мало ль кому в голову треснет забивать гвоздь на исходе дня. Да и на кой барабанить в дверь, когда есть звонок?

Увлеченный битвой, Н. вообще не замечал всего этого шума. А стук не прекращался, хотя настойчивее тоже не становился. Удары повторялись стройно и монотонно, словно кто-то упорно посылал сигнал на морзянке. Ситуация становилась странной. Слишком странной, чтобы её игнорировать. Не выдержав, я оторвал Н. от монитора и заставил прислушаться. С неохотой мой товарищ повернул голову в сторону двери, продолжая краем глаза следить за подплывающим врагом. В первые несколько секунд казалось, что он вообще проигнорит мои слова, но когда до Н. наконец долетело это ритмичное «бух-бух», его словно подменили.

Я мог ожидать любой реакции, кроме той, что последовала. Резко вырубив колонки, он вскочил из-за стола и побелел, как простыня. На мониторе его кораблик беспощадно дамажили, но Н. вдруг разом потерял весь интерес к игре. Я лишь варежку разинул.

— Гриш, — сказал Н. дрожащим, как мне показалось, голосом. — Иди у входной двери встань.

— Зачем? — недоумевал я, но Н. оставил мой вопрос без внимания.

— Встань и слушай. В глазок не смотри. Если стучать перестанут — спрячься в ванной. Хлопни дверью

погромче, что бы я услышал.

— Да ты че, прикалываешься? Какого хрена?

— Делай, что говорю.

Что-то стремное такое я услышал в его голосе. Возможно, это называется ужасом. Возможно, едва сдерживаемой паникой. А кореш мой, к слову говоря, не из пугливых. Но что бы мне там не послышалось в голосе Н., задавать вопросы сразу расхотелось. А ещё стало чертовски неудобно.

На нетвердых ногах я поплелся к двери. Но когда я прибыл к месту назначения, стук резко затих, словно стучавшему вдруг надоело его занятие. И только я собрался рвануть было к ванной по распоряжению Н., как стучать начали снова. Однако теперь это звучало по-другому — более глухо и будто с другой стороны. До меня дошло, что теперь стучат в соседнюю дверь. Ни ритм, ни сила ударов не изменились. Похоже на поведение надоедливой опросчика... Вот только почему за дверью царит полное молчание? Почему ему никто не открывает? Почему хотя бы не орут, что бы убрался и перестал колотить в дверь? Почему соседи вообще никак не реагируют на стук?!

Я уже хотел сказать об этом Н., но когда увидел, что он делает, то забыл слова от удивления.

Он успел зашторить все, абсолютно все окна в квартире тяжелыми советскими занавесками. Когда я повернулся, то увидел, как Н. лихорадочно носится по комнатам, скрепляя булавками и огрызками проволоки прорехи между тканями.

— Ты че творишь? — не сдержавшись, зашипел я шепотом. — Seriously, Н., что за херня вообще?

Н. по-прежнему не отвечал, продолжая заниматься своим делом.

А стук все продолжался. Через какое-то время он переместился ещё дальше. Судя от отдаленности звучания, ломились уже в дверь напротив...

Чего я только не передумал в те минуты. Что местные братки кидают какое-то предупреждение таким странным образом. Что знакомый жильцам дома буйный наркоман в очередной раз забыл, где находится его квартира. Что здесь однажды произошел инцидент с маньяком или грабителем, которому кто-нибудь непредусмотрительно открыл дверь, и теперь весь дом паникует, даже если стучится обычный бомж, желающий выклянчить полтос-другой. А кто в моей ситуации не попытался бы найти рациональное объяснение, пускай самое нелепое?

Тем временем Н. покончил со шторами и подошёл ко мне. Про себя я отметил странную дерганность его движений. Последний жест удивил меня едва ли не больше всего остального. Н. нервно выхватил из кармана кусочек серой клячки и наклеил его на дверной глазок. Все. Это было уже чересчур для всех моих теорий о бомжах и маньяках. Происходящее окончательно потеряло смысл.

С того момента, как мы услышали стук, обычная разговорчивость Н. исчезла без следа. Теперь он разговаривал отрывистыми и короткими фразами. Совсем на него не похоже. Попырившись на дверь каким-то покойническим взглядом, Н. повернулся ко мне.

— Перебрал я, Гриш. Голова трещит. Давай по коечкам. Завтра пораньше встанем — пару годных мест пошарим. Оке?

— Ну ладно... — буркнул я, продолжая прислушиваться к звукам за дверью.

Я прислушивался ещё полночи, если не дольше, лёжа на приготовленной Н. раскладушке. Сна — ни в одном глазу. Я слушал даже после того, как стуки прекратились, ожидая что вот-вот возобновится этот звук, напоминающий биение сердца: «Бух-бух. Бух-бух.»

Наконец меня начало понемногу клонить в сон. Мысли стали путанными, в ушах зазвучали призрачные голоса подкатывающего сновидения. Я почти отключился, когда вдруг понял... Наш мозг такой шутник, едрить его в извилины. Именно в те несколько секунд на грани сна и бодрствования, он нередко выуживает из подсознания супер-внезапную мысль. Ту самую, которая почему-то не приходила в голову, несмотря на свою очевидность. Именно такая мысль со мной приключилась. Я дернулся, резко распахнул глаза, словно меня током треснуло и разом взмок.

Шаги. Я ни разу не услышал шагов. Даже намек хоть на какой-то звук перемещения. Ни шуршания, ни шарканья, вообще ничего. Я отчетливо слышал, как этот стучальщик с педантичной аккуратностью приходивал каждую дверь в подъезде, пока не исчез из поля слышимости. Но в перерывах между стуками в разные двери царила абсолютная тишина. Словно этот... кто бы он там не был, бесшумно парил по воздуху.

Не думаю, что местные бомжи так умеют.

Признаться, я ненавижу испытывать чувство страха. Обычно мне легко побороть его, но в ту ночь все было иначе. Как только до меня дошло отсутствие шагов, мне захотелось вскочить с лежанки, выбежать из квартиры и мчаться без оглядки до самой Москвы. Сука, да хоть до Аляски или Шамбалы, лишь бы

прочь от этой ебнутой хрущевки с её стучащими призраками. Как мне удалось удержать себя на месте, я сам не понял.

Спал ли Н.? Хрен его знает. Судя по тому, что ни храпа, ни сопения с его кровати не доносилось, мы оба бодрствовали до самого рассвета. Лишь когда небо начало светлеть и зачирикали утренние птички, я наконец-то прикорнул.

Мне приснился неприятный сон. Я забыл о нём сразу после пробуждения, однако недавно вспомнил снова, причем с потрясающей ясностью, словно видел его только что. Мне снилась глубокая земля — холодная и плотно утрамбованная. Я шел, куда глаза глядят. Прямо сквозь толщу этой земли. Словно она была бесплотной иллюзией... или словно иллюзией был я сам. Душная, темная и тесная, земля давила на меня со всех сторон, поэтому я отчаянно высматривал хоть какой-нибудь проблеск выхода, но его не было. Всюду — назад и вперед, вверх и вниз, — тянулись бесчисленные километры почвы, которой не было конца.

Я проснулся с оледевневшими конечностями и ознобом во всём теле, хотя на улице вовсю пекло солнце. Н. уже заваривал опохмеляющий кофе под бодрый тяжеляк из стерео. Когда я выполз на кухню, он жизнерадостно поприветствовал меня, словно вчера вечером ничего не произошло. Эта идиотская, откровенно натянутая веселость отбила всякое желание разговаривать о ночных перестуках. Н. не собирался ничего пояснить мне — разве что какую-нибудь заранее придуманную отмазу. И я решил подыграть ему. В конце концов, мне и самому не хотелось портить остаток выходных.

Но, как я ни старался, окончательно выкинуть из головы мутную тревогу не получалось.

Днем я сказал Н., что хочу прогуляться. Отчасти это было правдой. Я действительно отправился бродить по местности, только мои нервные хождения ничуть не напоминали прогулку. Мне просто хотелось обдумать случившееся. Пожалуй, нет смысла описывать скомканные мысли, которые беспорядочно метались у меня в голове, пока я бороздил шагами посёлок.

Главное событие того дня произошло, когда я остановился закурить, уже почти вернувшись к злополучной хрущевке. Я дымил за гаражами, точно такими же, какие прятали меня от родительских глаз в далекие школьные времена. Все эти «ракушки» и покрытые ржавчиной железные коробки идеально подходят для укрытия, поэтому я чуть не выронил сигарету, когда из их рядов вынырнул невзрачный пенсионер. Впрочем, не выказав агрессии, старик дружелюбно спросил огоньку и кинул пару фраз в явной надежде завязать разговор. Я был совсем не в настроении трепаться с кем-либо, но обижать дедулю своим молчаливым уходом тоже не хотелось. Пришлось поддержать беседу. Старикан представился дедой Микой и спросил, давно ли я сюда переехал.

— Да нет, я всего на пару дней к другу погостить. — Я назвал имя и фамилию Н. — Может, знаете такого, он в соседнем поселке церковь расписывал.

— Аааааа, из 19-ой квартиры? Конечно, знаю, славный парень. Так ты у него остановился? Сталбыть, слышал Стукача вчера вечером? Не повезло тебе...

— Кого? — переспросил я (хотя на деле сразу просек, о чём речь).

— Ну какж? — удивился деда Мика, роняя пепел на застиранные треники. — Нежто прошел вас?

— К нам кто-то ломился поздно ночью, если вы об этом.

Я почувствовал нечто, близкое к облегчению. Раз этому чуваку уже дали прозвище, вполне вероятно, что это действительно здешний двинутый, а я с перепугу сам накрутил себе психа.

— Н. тебе ничего не сказал? — продолжал деда Мика свой допрос, внезапно рассердившись. — Идиот, бя!

— Да ладно, я не испугался.

— И зря! А ну как в глазок бы нечаянно глянул? Скажи Н., чтоб в следующий раз башкой думал, а не жопной дыркой!

Я совсем растерялся.

— Чего? О чём он должен думать?

— Понимаешь, ему не только открывать нельзя. Смотреть на него тоже опасно, на Стукача-то.

— Какого ещё Стукача?

— Такого, какого вчера слышали. Он тут с самой постройки шастает, может быть, даже раньше. Мы-то к нему привыкли. Чуйкой почуяли, что нельзя с ним связываться. А вот приезжие, городские в особенности, никак в толк этого не возьмут. К ним-то беда и приходит обычно.

— Ничего не понимаю, — честно признался я.

Деда Мика покачал головой и бросил бычок на землю. Только тогда я заметил, что моя сигарета уже сгорела до фильтра.

— А я расскажу тебе. Слушай.

И я стал слушать.

В общем-то, никто не знал толком, что такое этот Стукач. Потому что его никто не видел. Зато слышали все.

Приходил Стукач нечасто, всего несколько раз в год. Разрыв между его визитами мог продлиться пару дней, а мог растянуться до недель, месяцев и даже полугодий. Частота его посещений не зависела ни от фазы луны, ни от времени года, ни от чего-либо ещё, но все-таки даже эта таинственная сила соблюдала два правила. Первое — Стукач появлялся только в темное время суток, в промежутке между девятью вечера и часом ночи. Второе — Стукач никогда не пользовался звонками, предпочитая дергать ручки или тупо колотить по двери, за что получил свое прозвище. Никто не знал, бывает ли Стукач на улице, однако ж окна на всякий случай баррикадировали и даже зашторивали.

Неизвестно точно, сколько людей теоретически могли столкнуться с этим НЕХом и сколько попали под его влияние. Вероятно, они предпочли бы не рассказывать об этом. Но все три фатальных случая, после которых сомнений в «дружелюбности» Стукача не осталось, дед Мика засвидетельствовал лично.

Первая беда случилась ещё в середине восьмидесятых. Накрыло, как то ни странно, одного из старожилов. Прямо над квартирой деда Мики обитал древний старичок, перешагнувший уже черту девяностолетия. Несмотря на крепкое здоровье и самостоятельный образ жизни (а это о многом говорит в таком возрасте), соображал старичок плоховато. Как-то раз деда Мика и услышал, что во время обхода Стукача его сосед сверху возьми да открой. Никаких ударов, криков или других подозрительных звуков не последовало. Просто с того события старичок перестал выходить из квартиры. Местные сразу поняли, в чём дело. Нетрудно было сложить два с двумя, припомнив дату последнего визита Стукача.

Поначалу все боялись соваться в нехорошую хату. Но у кого-то в итоге сочувствие перевесило страх, и он решил проведать старичка. Тот не открыл. Заволновавшись, сердобольный жилец вызвал милицию. Милиции старик тоже не открыл. Менты попытались открыть сами. Не смогли. Вызвали какую-то там бригаду для решения подобных ситуаций, начали вскрывать дверь. Сломали об неё три болгарки. Три ебучих болгарки об трухлявую дверь в советской развалине, да. Может, деда Мика и приукрасил этот момент, но сломать даже одну, пусть самую ржавую, О ДЕРЕВЯННУЮ ДВЕРЬ БЛЯДЬ — это писец как странно. Не вскрыли, кароч.

Во время этой возни соседи пошущукались и позвонили управдому. Тот явно обладал нестандартным для такой должности мышлением, потому как насчет Стукача все прекрасно знал. Быть может, особенность провинциального склада ума? Из рассказов деда Мики складывалось впечатление, что жильцы хрущевки относились к Стукачу безо всякой заинтригованности, а как к бытовой проблеме, типа протекающей крыши. Исправить не выходит, значит, будем уживаться. Примчался, в общем, наш управ, без лишних вопросов, договорился как-то с представителями закона, объявил всем легенду — мол, квартира в плохом состоянии, так что её временно опечатают. Уж не знаю, какие он там выкатил условия и кому в итоге досталась собственность, но в квартиру с тех пор никто не совался. Она до сих пор стоит вся опечатанная без видимых причин.

Что там внутри? Куда делся бедный дедок? Ни у кого не было желания искать ответы на эти вопросы.

Я не исключение.

Следующими жертвами Стукача стали сразу три человека. Случилось это почти через 20 лет после исчезновения дедымкиного соседа.

Умер один из квартирантов (я искренне надеюсь, что хотя бы он почил естественной смертью), и в его опустевшее жильё приехала молодая семья — какие-то родственники, получившие жилплощадь по наследству.

— Славные такие были ребята, — сокрушался деда Мика во время рассказа. — Сынишка владельца, кажись, с женою и дочкой двух годков. Молодые совсем были.

Конечно же, его предупредили о Стукаче. И конечно же, бодрый молодой отец семейства в самом расцвете сил не воспринял местные суеверия всерьёз. Когда Стукач постучался, простите за тавтологию, к нему в дверь, тот наивно распахнул её. И никого там не обнаружил. Узнал об этом его сосед, которому мужчина пожаловался утром на ночное хулиганье.

— Мы ничего дурного поначалу не заметили. Уж начали подумывать, может, пронесло? А потом вот...

Первым звончком для соседей стало отсутствие голосов жены и дочери в злополучной квартире. Но вроде голос мужчины время от времени к ним обращался, да и на вопросы о своих домашних он отвечал вполне уверенно. Так что местные лишь плечами пожали — мало ль какие в чужой семье причуды.

А потом из квартиры начал сочиться вполне однозначный запах трупнины. Стояло лето, и вонь быстро

достигла того предела, после которого всякий нормальный человек начнёт бить тревогу.

В итоге несколько местных жестко прижали новосела. Тот удивился, словно бы не понимая, о чём вообще речь. Разъяренные соседи ворвались к нему в хату и обнаружили там картину в стиле классического хоррора. Труп его жены сидел на кухне, уронив торс на облепленный мухами стол, а мертвая дочь валялась в одной из комнат на коврик, окруженная раскрасками и цветными карандашами. Может и не совсем так все было, но суть в другом — весь их облик говорил о том, что несчастные сами не заметили, как умерли. А что ещё страннее, не заметил этого сам глава семейства.

Один из ворвавшихся, трясаясь от ужаса, рассказывал, как мужчина жаловался мертвой жене на непрошенного гостя и успокаивал якобы напуганную его вторжением дочь. В итоге менты повесили убийство на отца и мужа, который до последнего вел себя так, словно его семья была жива — кричал жене, что скоро вернется, что это какая-то ошибка, ну и так далее... Его дальнейшая судьба была неизвестна деде Мике. Вроде бы отправили в дом скорби. Зато знал деда Мика кое-что другое: причина смерти женщины и девочки осталась неизвестной.

Его товарищ служил где-то в следственном отделе, и пропизделся спьяну, что вообще-то никаких следов насилия на трупах не нашлось. На них вообще ни хрена не нашлось. Их не задушили, не зарезали, не отравили. Каким способом угрохали (если вообще угрохали), непонятно. Висяк пришили мужику с никуевой натяжкой. Вскрывальщики там трое суток выжимали свою фантазию досуха, чтобы хоть какую-то подложку обвинению дать. Ну да нашей прокуратуре много не надо, так что это дело скоро закрыли и забыли.

Перед рассказом о третьем случае деда Мика долго ломался, упорно переводил тему, короче, долго пришлось инфу тянуть. В итоге поведал-таки.

Квартиры в хрущевке почти никогда не продавались. Дело было не в Стукаче, а в банальной удаленности от города и общей необустроенности жилья. Но кто-то все ж сумел продать квартиру одинокому мужику, а сам благополучно съехал. Новосела пытались предупредить окольными, псевдоадекватными объяснениями, но тот, как грицо, не внял. Тут надо бы добавить одну деталь касательно деда Мики — в прошлом он был электриком, и если у кого что барахлило, то за символическую благодарность он это барахление устранил.

— Вот позвал меня как-то этот новенький. Мол, приходи, пробки шалят вроде как, — рассказывал деда Мика. — А сам бледный, что глиста, и руки егозят во все стороны. Ну я понял сразу, что не все так просто, однако пришел. Пробки у него были замечательные, скажу тебе. А мужик помялся-помялся, да и позвал меня наконец в жилую комнату. А там дверь.

— Какая дверь?

— А такая, которой быть не должно! Прямо из уличной стенки торчит. Не знаю, может, оно так сначала и было, мало ль какие у хозяев странности. Мужик совсем обалбешенный, потом обливается и говорит, мол, скажи, отец, мне ведь эта не штука не мерещится? Нет, отвечаю ему, точно не мерещится, я вона тоже вижу. Потертая такая обычная дверь, ток чево ей делать в стенке, за которой никакой комнаты быть не может?

Деда Мика задумчиво помолчал.

— Ох, не понравилась мне такая штука. Я, честно, сразу же удрать хотел, да жалко стало мужика-то. Лица нет, трясет всего, а чего тут удивляться! Я б и сам трясся на его месте. И часто, говорит мне, у вас тут такое? Ну, мне лишних слов не надо... Чего, говорю, стучали давеча? Стучали, говорит. Открыл, говорю? Открыл, говорит. И вот, дескать, никого там не оказалось, а на следующий день эта дверка возникла. Ну я репу почесал... А чего тут скажешь! Говорю ему, извиняй, товарищ, не знаю, что с этим делать. А он будто и не слышит. Бормочет: «Послушай, отец, из-за двери сопит кто-то». Тут я и понял, в самом деле — пока мы трындим, задним планом звук такой странный идет, как если б у кого дыхалку засорили. Я подошел ближе к двери, страшно было, но и разведать хотелось. Точно говорю тебе, пытели оттуда, из-за двери прямо! Как будто что-то большое и грузное с трудом в себя воздух затягивает... На том я и ушел. Стыдно перед соседом было, что ничего сделать не могу. Но я и правда не мог! Даже обошел дом на всякаслучай, — днем, конечно, — вдруг на стене снаружи окажется чего. Не, стена, как стена, ничегошеньки нет.

— А мужик что?..

Деда Мика рассказал, что ещё примерно неделю новосел то и дело выходил из квартиры, с каждым появлением становясь все бледнее и тощее. Как-то раз деда Мика подошел к нему и спросил, ну ты как, мол, держисься?

— Держусь, отец, — устало ответил мужик. — Только вот такое дело, из-за двери у меня пыхтят все громче. Словно ближе подбираются. Не знаешь, отчего так?

Дед Мика не знал, но такая подробность напрочь отбила у него желание приближаться что к квартире, что к её владельцу. Прошло ещё несколько дней, и упомянутый владелец исчез без следа.

На этот раз никакого загадочного заклина двери не случилось. Пару месяцев спустя её вскрыли. Пару месяцев — потому что мужик жил одиноко, и заметить его исчезновение было некому. Пока по квартире

шарились менты, деда Мика боялся голову высунуть из собственной берлоги. Не из-за мусорских служак, разумеется, а из-за того, что они могли там обнаружить.

Кстати, об обнаруженном слухи тоже поползли. Позднее. Нет, поползли-то сразу, но деда Мика услышал их позднее, потому что изо всех сил старался не слышать вовсе. Не получилось.

А обнаружили там... ничего. Сначала говорили, что квартира просто пустовала. Ни подозрительной двери, ни хозяина. А потом слух начал обрастать деталями. Говорили, что не было его вещей. Одежды, посуды, белья, вообще никаких предметов бытовой жизни. Логично было бы предположить, что мужик просто собрался и уехал. Одно оставалось непонятным — зачем тогда менты ещё с неделю приходили обследовать эту квартиру и даже расспрашивали жильцов об исчезнувшем соседе?

Здесь кто-то сказал, что в квартире отсутствовали не только вещи. Не было вообще никаких признаков жизни. Не нашлось волос, кусочков ногтей или кожи, даже отпечатков пальцев. С десяток человек подтвердили, что человек въезжал в квартиру и пробыл там несколько месяцев, но состояние жилища говорило об обратном. Вот служивые и заподозрили, что квартира стала местом хорошо спланированного преступления, и это все — необычайно ловкое заматывание следов. Начали поднимать документы, пытались по ним изловить владельца. Хуй-то там. Владелец как сквозь землю провалился. По всем данным выходило, что его не существует. Номер паспорта был недействителен, не числился ни в одной базе данных — как, впрочем, и все остальные бумаги.

Дальше было долгое разбирательство, в ходе которого досталось продавцу квартиры, потому что его обвинили не то в аферизме, не то в подделке документов, не то ещё в чём. Короче, потом хату купила пожилая женщина с дочерью. Их тоже предупредили. Видать, девки оказались более осторожными, потому что благополучно жили там по сей день.

Я не знал, что сказать. Вывали дед Мика мне все это ещё вчера, я б только поржал, а теперь мне было не до смеха. Он, конечно, мог приврать и понаделать из мух слонов, но е-мое, одна десятая правды уже была чистым пиздецом.

— Мдааа, история, — пробормотал я, вытряхивая из пачки очередную сигарету.

— Да я и сам бы не поверил, если б своими глазами не видел, — сказал деда Мика, неправильно истолковав мое смятение. — Тоже маху дал однажды. Забыл по пьяни занавески опустить, а Стукач возьми и заявись той ночью. Я до утра под одеялом прятался, как дите малое. Уж не знаю, чего больше боялся, что я его увижу, или что он меня увидит.

— Ну и как? Обошлось?

— Да вроде обошлось... а вроде и нет.

— В смысле?

— Ну, видишь, я ж не пропал. Стою тут, жив, здоров, тьфу-тьфу. С ума не сбрендил и никого не хоронил, тьфу-тьфу ещё раз. Но кое-что однажды случилось. Не худшее из всего, что мы вытерпели от Стукача, но я себе глаз охотней выдавлю, чем соглашусь снова пережить такое.

Я молчал, не уверенный, что хочу об этом слышать. Деда Мика опередил мои возражения, начав очередную повесть.

Последнюю.

— Когда ж это было? В девяносто девятом, что ли... Или в двухтысячном? В общем, тогда первые кодовые замки ставили. Не блестящие эти панельки, которые сейчас стоят. Тогда замки такие, как и все прочее, посуровой были. Врезана в дверь железка, а из неё десяток железных кнопок торчит. Все. Ни тебе домофонных звонков, ни магнитов. Не знаешь код — свободен.

А я его все время забывал. Вылетал из головы, ну хоть ты лопни! Может, слишком в новинку было, а может, я редко заходил в подъезд один. Словом, приходилось иногда торчать под дверью и ждать, пока кто-нибудь зайдет или выйдет.

Ну, ждать дольше десяти минут приходилось редко. На крайняк можно было соседям с первых этажей в окно постучать. Не беда, в общем.

А как-то раз я забыл дома кусачки. Пришлось мне с полдороги назад поворачивать. Стою, значит, у подъезда, время поджидает, рабочий день вот-вот начнется — но, как назло, никто не входит, не выходит. Я давай соседям сигналить. В одно окно бился, в другое, везде молчок! Ушли, спят, ещё там чего... Не слышат меня, словом.

Совсем я отчаялся, начал кнопки наугад давить. Черти чем только не шутят — а ну как угадаю! Так что ты думаешь, угадал ведь. Поклялся тогда эти чертовы циферки навсегда запомнить. До сих пор их помню — один, два, восемь, девять. Смешно, а? Сразу тебе скажу, что не таковский код у нашей двери был, и близко. Однако же она открылась мне.

Наверное, уже в подъезде не все ладно было, да я внимания не обратил, торопился. Может, заметил бы чего сразу, если б не спешка. А так-то я орлом долетел до своей квартиры, и только там в душе заекало. Спросишь, почему? Да потому что я четырежды ключ провернул, хотя наша дверь всегда только на два оборота закрывалась! Откуда там ещё двум взяться, а?

Тогда я этому значения не придавал, а сейчас вот вспоминаю, и хочется себе оплеух надавать. Драпать надо было сразу, но что теперь говорить... Захожу я, значит. Ничего такого. Вещи на свои местах, за окном дрянная осень. Вижу, кусачки мои на подоконнике лежат — это я на днях подставку для посуды чинил. Подхожу, беру инструмент... в окно случайно глянул... и вот вижу там...

Деда Мика примолк, жестом попросив сигарету. Выкурил её до середины, он продолжил.

— Ты-то знаешь, что из наших окон видно. Площадку детскую, деревья всякие. Но в тот раз там ничего этого не было. Совсем ничего. Даже леса вдальке я не увидел. Пустая земля до горизонта, как в степях, но не совсем пустая. На ней кусты росли. Очень странные. Никогда не слышал о похожих растениях. Низкие, по колено где-то. Веточки тонкие, гнутые, и листья... темные... Как же этот цвет называется? Поганый такой... то ли красный, то ли коричневый...

Всюду кусты эти, да небо. А небо тоже странное. Сверху жёлтое, ближе к земле сереет, ниже так вовсе чернеть начинает. Я перекрестился ажно, хотя в церкви с трех лет не бывал. Задом к двери пячусь, а глаз от окна не отрываю, будто снаружи чего-то вылезет, стоит мне отвернуться. Как до прихожей добрался, еле помню. Сердце, кажись, биться перестало. Думал только — ох, лишь бы выбраться, лишь бы выбраться! Но то ещё не самое страшное было. Главный страх пошел, когда я споткнулся об наш порог и выпал на лестничную клетку.

Только я на бетон упал, как в ближайшую дверь кто-то начал колотить со всей дури. Я сразу нашего Стукача попомнил, да колотили-то теперь изнутри квартиры! И сильно так, словно дверь выбить хотели. Заколотили сначала в одну дверь, потом в другую. И в третью. И во все! Вот чем хочешь клянусь, в каждую проклятую дверь изнутри долбили так, что, казалось, дом сейчас обвалится. Пол трясется, стекла дребезжат... Думал, прямо там и помру от страха. Да тут за моей спиной такой крик раздался, словами не описать. Представь себе, что паровозный гудок пытается человеческим голосом орать. Что бледнеешь, представил? А мне-то каково было! Но этот вой меня в чувство привел. Я на ноги вскочил и как дам стрекоча! Бегу, а ступени подо мной трясутся, уши закладывает от страшного грохота. И прям не знаю, как, но чувствовал, что позади меня тоже что-то несется. Не видел, не слышал, а знал — гонится за мной, в пятки дышит. За несколько секунд допрыгал до первого этажа, привалился к подъездной двери и кулаком по кнопке бух! На улицу кубарем вылетел. Дальше все. Темнота. Очухался уже в кровати. Супруга рядом сидит, слезьми заливаются. Позже я узнал, что схлопотал сердечный приступ. Но, когда только в себя пришел, не до того было. Ни о чём не спрашивая, бросился я в окно смотреть. Как же мне полегчало, когда там все оказалось по-старому! Деревья, дворик...

Я ещё год в подъезд только с женой под ручку ходил. Когда она в командировки уезжала, просил соседей довести меня до квартиры и вместе со мной в окно посмотреть. Они люди понимающие, не отказывали. Окон до сих побаиваюсь, к слову. Каждый раз, когда в окно смотрю, кажется, опять увижу кусты. И листья эти нехорошие... Никак от меня не отстанут. Да я уже привык почти. Раньше, конечно, вздрагивал. Идешь бывало, по улице, солнце светит, кругом люди, и бояться вроде нечего. А потом раз! — и замечаешь посреди зелёной ветки трех-четырех поганцев дурного цвета. Поначалу я от таких деревьев бегом убегал. Осенью вообще кошмар. В каждом пожухлом листочке то самое виделось, хотя с опавшими листьями они действительно часто смешиваются. Потом уже понял, что их даже трогать можно, ничего страшного не сделается. Просто вроде как напоминание мне такое.

Я и сам не заметил, с какого момента странный, но последовательный рассказ деда Мики начал казаться мне бессвязной чушью, которую обычно несут сумасшедшие. Беспокойство всё усиливалось. В один момент я даже задумался, а не был ли сам деда Мика местным двинутым, который ходит и стучит по квартирам, а потом гонит жуткие байки про всяких Стукачей? Я пытался незаметно включить какую-нибудь мелодию на смартфоне, чтобы выдать её за внезапный звонок и быстро свалить, когда деда Мика вдруг наклонился со словами:

— Вооо, смотри-ка ты, ещё один! Помянешь черта...

Он смахнул что-то со своих абибасов, а потом протянул мне.

Несколько секунд я молча глядел на этот листик. Сраный маленький листик, по форме напоминающий березовый. Только я готов любую часть тела дать на отсечение, что ни на одной березе ничего похожего не растет. У этого листа был омерзительный цвет. Мясной. Плотский. Похожий то ли на сырое сердце, то ли на гниющую опухоль. Такого цвета просто не могло быть у фотосинтезирующего организма. И, к сожалению, я смотрел достаточно долго, что бы заметить ещё одну деталь.

Лист пульсировал.

Я абсолютно уверен, что не было моим глюком, потому что вид ритмично разбухающих прожилок меня просто загипнотизировал. Казалось, я почти слышал долбаное «бух-бух» в такт их подрагиванию.

Я решил, что с меня хватит. Пробормотав слова прощания, я буквально шархнул прочь от деда Мики,

успев заметить его извиняющийся взгляд. Но теперь мне стало глубочайше похуй, обижу я пенсионера своим бегством или нет. Я направился к дому Н. самым быстрым шагом, на какой только был способен. Исчезнувший вместе с ночью Стукач пугал меня гораздо меньше той херни, которую деда Мика отцепил со своих треников. По дороге к хрущевке я упорно внушал себе: «Нахуй Стукача. Нахуй деду Мику с его листьями. Нахуй вообще все это говно. Ты услышал пару неплохих кулсторей, Григорий, а теперь, будь добр, выкинь их из памяти к чертям собачьим. Что бы здесь не происходило, тебя это не касается. Завтра ты вернешься в Москву, а эта муть останется здесь. Нефиг холить мистическую паранойю байками какого-то старого мудака. Вернись в квартиру, хряпни алко, растряси Н. ещё разок сходить к водохранилищу — проведи остаток выходного круто, блять! Сделай вид, что ничего не было. Разумный план, амиго».

Я крепился до позднего вечера. У меня были самые твердые намерения перебороть желание засрать портки и упиздовать в безопасную Москву. Но с наступлением темноты мои нервы капитулировали. Пытаясь как-то сохранить лицо, я демонстративно порылся в телефоне, а потом наплел Н., что вот буквально сию секунду коллега смснул мне, мол, на завтра у нас в офисе движуха намечается, без меня никак, сам начальник требует моего присутствия, пусть и с опозданием, вот жеж дилетанты беспомощные, не дадут отдохнуть, сука, спокойно, ах какая неохота ща на электричку переть, с удовольствием бы остался, чес-слово, но начальство звери, проект горит, зэ пэ сама себя не заработает... Н. совершенно спокойно выслушал понос моих оправданий, и лишь пару раз сочувственно покачал головой. Чисто для виду, не сомневайтесь. По его лицу было заметно, что он прекрасно все понял.

Молниеносно собрав шмотье, я наспех попрощался с товарищем и рванул подальше от этого странного дома. А в первую очередь — от стыда за собственную трусость. Уже оказавшись у лесной кромки, метрах в двадцати от хрущевки, я сделал то, что ни в коем случае нельзя делать в моем положении.

Я обернулся.

Всего лишь хотел бросить прощальный взгляд на это поганое зданье. Убедиться, что хотя бы снаружи оно выглядит обычной старой постройкой. Что творящийся внутри него звездац никоим образом не просачивается наружу.

И мои убеждения в ту же секунду потерпели абсолютный крах.

Сначала мне показалось, что на стену хрущевки упала массивная тень от дерева. Намного позже я сообразил, что хрущева стояла на расчищенной площадке, и никакой растительности, кроме околородных кустиков, там не водилось. А тогда моя обманчивая надежда разрушилась другим событием.

Тень двинулась. Она чуть сползла вниз и опустила свою конечность на подоконник верхнего окна. Была ли это лапа, нога или ещё что, я не знаю. Да мне, честно сказать, дела нет до её анатомии.

Вместо того, чтобы рвануть прочь или хотя бы спрятаться, я застыл, боясь не то что шевельнуться, а даже вздохнуть. И продолжал беспалева тарашиться на эту хуету. Знакомо вам чувство, когда что-то пугающее вызывает одновременно непреодолимое желание и отвернуться, и не отрывать взгляд? Я из тех людей, у которых второе желание перевешивает. Так что, к сожалению, я видел весь его маршрут от начала и до конца.

Хотя моя память услужливо сохранила каждую секунду этого зрелища, я до сих пор не вполне понимаю... механику его движения. Верхняя часть туловища вытягивалась, опуская вниз каплевидную нижнюю часть с двумя отростками. Из чего оно состоит и какого оно цвета, я не понял, вроде не чёрного, и чего-то похожего на голову, я тоже не заметил. Отростки, наверное, давали ему опору...

Черт, я не знаю.

Если я правильно увидел, то внешними подоконниками оно пользовалось, как ступеньками. Во всяком случае, у меня сохранилось ощущение его размеренных движений. Так двигается рабочий на стройке, спускаясь с длинной лестницы. Топ-топ, топ-топ, только без топанья. И без любого другого звука. Я мог слышать шорох листьев, стрекот вечерних цикад. Запомнился донесшийся издали беззаботный детский смех, который в сочетании с наблюдаемым мною представлением прозвучал чудовищно неуместно. Но ни единого намека на звук от ползущей твари.

А я, словно загипнотизированный кролик, продолжал неподвижно пыриться на неё, даже когда каплевидная темная туша оказалась в одном шаге от земли. Инстинкт самосохранения раздирает меня на части. Что делать? Бежать? А если оно меня заметит? А что, если УЖЕ заметило, и двигается медленно, чтобы не спугнуть добычу?! Успею ли я убежать в таком случае?!

Пока я терзался противоречивыми порывами, каплевидная херовина уже опустила один из отростков на землю и... прошла сквозь неё. Нет, она не исчезла. И не проделала дыру. Просто опустилась вниз, не встретив никакого сопротивления, словно земной тверди там вовсе не было. А потом резко притормозила, будто её конечность нащупала опору. Там. Внизу.

Под землей.

Следующие несколько секунд я наблюдал как туша методично, не сбавляя своего «лестничного» ритма,

продолжает спускаться сквозь землю вниз. Почему-то я уверен, что при этом ни одна пылинка на земле не дрогнула.

Но было кое-что более странное. Куда более странное. Движения НЕХ несколько не изменили своей размерности. Словно она продолжала вышагивать по оконным выступам. Словно здание дома... продолжалось там, под землей. Словно вместо фундамента там были такие же этажи с окнами жилых комнат.

Конечно, тогда я не осознал причину своего резко подскочившего ужаса. Эта ритмичная размерность, с которой тварь исчезала в земле, напугала меня больше всего остального. Сам факт её существования, бесплотное проникновение под землю, да что там, даже страх быть обнаруженным казался ничтожным по сравнению с чувствами, которые вызвала догадка о продолжении дома под землей.

Через несколько «шагов» тварь исчезла без следа. Передо мной стояла обычная драная пятиэтажка. Увы, я уже был прекрасно осведомлен насчет обманчивости своих впечатлений...

Не могу сказать, сколько времени я простоял на месте после того, как темная штука скрылась под землей, так как рассудок уже начал потихоньку слать меня на хуй. В общем, условно оклемавшись, я побрел в сторону станции. Именно побрел, а не побежал и не двинулся крадущейся походкой стелсовика-выживателя.

И именно УСЛОВНО оклемавшись, потому что мозг вроде снова заработал, но как-то не в ту сторону. Я не следил за дорогой и не благодарил всевышнего за спасение, словом, не генерировал никаких уместных мыслей.

Вместо этого я думал о хрущевке. О её подземных этажах. Я думал о том, сколько их там, и насколько глубоко они уходят вниз. О том, долго ли ещё каплевидной туше придется перебирать своими отростками, прежде, чем она достигнет конца... если он вообще существует. О том, есть ли помещения за стеклами окон, которые навечно засыпаны землей. И если да, то что внутри них происходит.

Я помню эти свои мысли, но совершенно не помню, как вышел к станции. То ли наугад, то ли автопилот включился. В любом случае, я ещё никогда так не радовался бухим руладам привокзальной алкашни и мерцанию замызганных фонарей на обочине.

Наконец-то я вернулся в свой мир, сколь угодно дерьмовый, зато привычный и понятный.

Было бы неплохо на этом историю и закончить. Написать, что, дескать, приехал я в ДС, овердохуя времени отходил от потрясения, а теперь уже и сам не уверен в действительности случившегося, кароч берегите себя и своих близких. Хренушки. Будь все так, я бы сейчас не натирал пальцами клавиатуру.

Кульминация пиздеца, пошатнувшая мои нервы и уверенность в собственной адекватности, грянула всего пару месяцев назад, когда события в Правдинском уже почти перестали являться мне ночными кошмарами, а жизнь влилась в накатанное русло. Да, ничего особенно не изменилось. Я все так же страдал по тьян, таскался на работку, а вечера коротал танками и общением с Н.

О Стукаче мы не вспоминали. Оба, словно сговорившись, симулировали выборочную амнезию. Вспоминали рыбалку, обзор кораблей, но про стук в дверь даже не заикались.

А в конце зимы Н. пропал.

Поначалу я не придал этому значения. Ну мало ль, человек он занятой, у него может быть сколько угодно причин выпасть из онлайн. Лишь несколько дней спустя я понял, что его исчезновение не могло быть обусловлено бытовыми причинами.

Его страница вк тоже исчезла. Более того — пропал наш диалог. Думаю, всем известно, что вконтачевский диалог продолжает висеть в неизменном состоянии на твоём акке, даже если собеседник удаляет страницу. Однако я проскроллил список бесед от и до, причем не один раз. Диалога с Н. там не было.

В полном недоумении я полез искать его на ВоТ'овских аккаунтах и форумах. Пусто. Из списка друзей он пропал. На запрос его ника форум выдал сообщение о нулевом результате поиска. Но что меня обеспокоило сильнее всего, так это исчезновение всех его постов и сообщений. Будто он никогда не регистрировался на всех этих сайтах. Но я же отлично помнил его вклад в танковскую копилку знаний: посты о стратегиях, обзоры новых моделей, приглашения в команду, отчёты с поля боя... Он вёл весьма активную сетевую жизнь, так что на заметания её следов пришлось бы угрохать нехило сил и времени.

Моё беспокойство резко переросло в психоз, когда я решил обратиться к нашим общим знакомым по ВоТ'у. Сука. Никаких слов не хватит описать те чувства, которые вызвал у меня дружный вопрос «А это кто?». Ни один злоебучий танкист не удосужился выудить из своих извилин хотя бы одно воспоминание об Н. За исключением меня.

А когда ты помнишь человека, которого больше никто, даже всемогущий веб, не может вспомнить — это пиздец как стрёмно. Каюсь, после такого я уж больше переживал за себя, чем за Н. Собственно, потому и решил на последний шаг.

А именно, на повторный визит в Правдинский.

Я решил, что если уж кто и может знать о пропаже Н., так это его соседи по дому. Самые большие надежды я возлагал, конечно же, на деду Мику, однако надеялся, что в случае чего и остальные жильцы проявят понимание. В ближайшую субботу я собрал рюкзачок, натянул походное шмотье и уехал ранней электричкой. Это были последние минуты моей нормальной жизни.

Я не знал адреса, потому что Н. встретил меня на станции и проводил напрямик до подъезда. К счастью, у меня отличная визуальная память. Я наизусть помнил каждую тропинку, каждый переулок и каждую палаточку, что попадались мне по дороге. Поэтому мне не составило труда пройти к пятиэтажке, в которой жил Н.

Только вот она исчезла.

Я ожидал чего угодно. Что квартира Н. окажется опечатанной, что ни один жилец его не вспомнит или даже что дом окажется пустым и заброшенным. Но ё-моё, я был абсолютно не готов к ровной, заросшей кустарником земле на месте хрущёвки.

Ошибки быть не могло. Вот олдскульная площадка с ржавыми качелями. Вот гнутый фонарь, в свете которого я видел ЭТО. Вон ряды гаражей, за которыми мы курили с дедой Микой. И даже если это всё было просто похожим антуражем, то второго магазина с дебильным названием «Тийна» точно не могло существовать ни в Правдинском, ни где-либо ещё.

Едва сдерживая тряску в руках и голосе, я зашёл туда, мгновенно узнав выцветший плакат с голубыми зайчатами, и спросил у продавщицы, где может находиться ближайший жилой дом. Видок у меня, похоже, был ещё тот, потому что продавщица разговаривала осторожно, как с буйнопомешанным. Как то ни странно, рядом оказалась ещё одна пятиэтажка. Я даже сходил проверить её на всякий случай. Нет, она точно не имела отношения к месту жительства Н. Во-первых, она выглядела совершенно иначе, а во-вторых, я шёл до неё от «Тийны» минут 15, хотя ночью мы с Н. выбегали за пивом минуты на две-три.

Я всё равно зашёл в пятиэтажку. Поднялся на этаж Н. и позвонил в квартиру с его номером. Дверь открыла немолодая толстуха с одним засранцем на руках и вторым — в районе колен. На вопрос, как давно она здесь живёт, баба молча захлопнула дверь.

Что ж, у меня ещё оставалось время. До вечера я искал знакомую пятиэтажку, прочесав посёлок вдоль и поперёк. В душе теплилась надежда, что я всё-таки умудрится сбиться с маршрута и прийти не в то место. Время от времени я набирал Н., сам не знаю, зачем. «Неправильно набран номер».

Блядь!

Уже по темноте я направился обратно к станции с пустыми руками, пустым взглядом и пустой головой. Ни малейшего следа от Н., хрущёвки, деды Мики, вообще ничего, что могло бы хоть немного прояснить ситуацию. Вместо этого всё стало только хуже. Так мне тогда казалось.

На самом деле, всё просто покатило в ад.

Вот так просрав законный выходной и тонны нервов, я вернулся домой весь на измене, после чего немедленно завалился спать. Кажись, даже не разделся толком. А ночью проснулся.

От стука. Во входную дверь. Моей квартиры. Моей.

«Бух-бух. Бух-бух. Бух-бух.»

Это почти смешно. Я ещё сквозь сон узнал этот ритм. Даже вспомнил, как пару раз слышал его в ночных кошмарах. Я точно знал, КТО стучится ко мне в дверь. Ну да, мой старый знакомый, которому нельзя открывать. Куда, мать вашу, провалились Н. с дедой Микой, когда они нужны мне сильнее кого-либо во всём мире?!

Теперь уже было поздно делать вид, что ничего не случилось. Мне не позволят. Этот стук, повторяющийся каждую ночь, не позволит. Пару раз тварь пыталась обмануть меня, дергая ручку двери. И никогда не звонила в звонок. Всё по заповедям деды Мики! За исключением того, что это происходило куда чаще нескольких раз в год. Ночь за ночью, словно по будильнику я просыпался от ритмичного стука в дверь.

«Бух-бух. Бух-бух. Бух-бух.»

Каким образом столь глухой звук ухитрился разбудить меня?..

И хотя утром все приходило в норму, остаток ночи оборачивался для меня настоящим кошмаром. Старательно притворяясь спящим, на деле я клацал зубами под одеялом и вспоминал слова деды Мики: «Уж не знаю, чего я больше боялся, что я его увижу или что оно меня увидит...» Меня совершенно не интересовало, как ЭТО нашло меня и что ему нужно. Я старался вообще не думать об этом, словно избегание мыслей о нём поможет избежать и встречи с ним.

Но сложно, знаете ли, не думать о белой обезьяне, когда она так настойчиво о себе напоминает.

Поначалу я просто терпел. Хотел привыкнуть. Потом перестал нормально соображать на работе из-за недосыпания. Решил, что так дальше нельзя. Придумал себе интересную теорию с самовнушением, галлюцинациями и прочим. Это как-то успокаивало. Пошел по врачам, затарился колесами. Последнее принесло свои плоды. Барбитураты погружали меня в глубокое забытие, из которого даже иерихонские трубы не вырвут; и через неделю такой терапии во мне снова забрезжила надежда на возвращение к нормальной жизни, но...

Но затем началось это. То, что не может закончиться до сих пор.

Каждое утро я вижу свой двор, в котором прожил всю жизнь. Я знаю его до мельчайших деталей. Дерево под окном, детская площадка с горкой, качелями, песочницей, школа вдалеке, электрощит и дома — соседний корпус нашего справа, две девятиэтажки напротив, двенадцатиэтажка слева. Четыре дома. А потом их осталось три.

Когда я недосчитался одного фонаря с балкона, то сумел как-то закрыть на это глаза. Когда исчезла черемуха под окном — убедил себя, что её спилили. Но когда целый ебанный дом просто взял и канул в небытие... На этом все мои попытки сохранить спокойствие провалились. А самое худшее, что это было только началом. Примерно две недели назад я обратил внимание на странную тишину, царившую за стенами моей квартиры. Я всегда слышал через наши тощие стены голоса соседей и всякие бытовые звуки, типа телевизора, посуды, пылесосов. Теперь ничего этого не было. Лишь по ночам молчание нарушалось ставшими привычными уже ударами в дверь. «Бух-бух. Бух-бух. Бух-бух.»

Я научился игнорировать эти звуки, но не мог привыкнуть к тишине, хотя по чесноку старался. Мое терпение лопнуло после одного неудачного рабочего дня.

Отвратительно, когда рабочий день начинается с исчезновения входной двери твоего офиса. Но ещё хуже, когда исчезает сам офис. Я стоял, как идиот, в своей парадной одежке, с рюкзаком за спиной, и смотрел, как дурак, на чистую крашеную стену. За которой — я уверен, — ничего не было. Совсем ничего.

Растерянно спускаясь вниз по лестнице, я спросил у повстречавшейся уборщицы, где находится сорок девятый офис. Она так же растерянно посмотрела на меня в ответ и сказала, что не знает. Гребаная уборщица, каждый день мывшая пол в этом помещении, не знает, где оно находится!

В панике я выскочил на улицу и осмотрел здание. Восьмое. Первый корпус. Сверил адрес через приложение. Все верно. Никакой ошибки. Тот самый адрес, по которому я три года подряд ездил на работу каждый будний день. Сходилось все, кроме моего родного офиса, на месте которого теперь высилась пустая стена.

Что ж... Мне не оставалось ничего, кроме как поехать домой. По дороге шок немного схлынул, а мысли странным образом начали возвращаться в трезвое русло. Видимо, чтобы отвлечь разум от основного пиздеца, я вдруг подумал о более насущной проблеме: у меня больше нет источника доходов. И хуже того, последнюю зарплату я должен был получить со дня на день. Сами понимаете, это означало, что прежняя получка была практически израсходована. Конечно, можно устроиться на новую работу или взять фриланс, но это хреновый вариант, когда средства на исходе.

Едва вынырнув из метро, я набрал номер своей самой альтруистичной подруги. У каждого, наверное, есть такой человек, задолженность которому составляет немалую сумму, но вы все равно продолжаете тянуть из него ништяки с обещанием «обязательно все вернуть». Вот и у меня была такая добрячка. Я мысленно настроил свой голос на частоту «неотразимое обаяние», как все снова покатило в ад.

«Неправильно набран номер».

Я грязно матернулся вслух. Срать было на укоризненные взгляды прохожих. И на финансовые проблемы. Когда трубка отпишала знакомы мотив и замолкла, у меня шерсть на загривке встала дыбом, а в руках отдало неприятным покалыванием. У всех бывают «неправильно набранные номера», конечно. Но в моем случае... Короче, я сразу прочухал — дело тут вовсе не в том, что подруженция сменила номер. И не в глюках сети. Не хотел верить, что говно добралось досюда, но в глубине души понимал: все, пизда. Твоя конечная, Гриша.

Я ворвался в квартиру, точно поехавший, и сразу же кинулся за комп. Через пару кликов я уже торчал на вк-страничке знакомой. Ну конечно же. Чего я ждал. «Страница удалена или ещё не создана», ебаться в уши. По дороге я успел ещё раз 20 набрать ей и раз 20 прослушать ледяной голос автоответчика. В тот момент я больше всего на свете хотел лишь одного: узнать, что вышеупомянутая подруга, на которую мне срать глубочайше, если по-чесноку, все ещё жива, здорова и, самое главное, что наши общие знакомые осведомлены о её существовании. Наплевав, что обо мне подумают, я устроил массовую вк-рассылку с вопросом, мол, кто в курсе, куда девалась такая-то.

Общий ответ был настолько предсказуем, что захотелось плакать.

«Прости, кто?»

Провалиться вам всем в могилы!!!

И че теперь мне прикажете делать? Опять к врачам? Извините, у меня тут исчезают дома, помещения и люди, не пропишите таблетку? Ну-ну. Обратиться за помощью к друзьям и родным? А что они сделают? Тоже исчезнут? Может, привести в исполнение свои подростковые фантазии, наложив на себя руки? Не хочется.

Короче. Ничего из этого я не сделал.

Вместо всех перечисленных вариантов я запер на замок входную дверь, задернул все занавески в квартире, зачем-то зажег пару свечей (подсознательно экономлю электроэнергию, лол?), сел перед компьютером, и вот... пишу.

Пишу неторопливо. Мне больше некуда спешить. Я тщательно припоминаю каждую деталь минувших событий. Стараюсь не скупиться на подробности и литературные обороты. Я даже набросал план рассказа перед тем, как начать писать его. Я, всю школьную жизнь ненавидевший сочинения. Прикол?

В конце концов, я прожил крайне посредственную жизнь. Не буду скрывать, история со Стукачом стала, наверное... Да, именно так, это была самая захватывающая, самая значительная история в моей жизни. Ничего более интересного со мной не случилось и теперь уже не случится. А поскольку мне хочется оставить после себя хоть что-нибудь, почему бы, в таком случае, не отдать эту роль повествованию о Стукаче? Всяко лучше, чем расказня, как Ленка изменила мне с Лешкой или как мы с пацанами раскуривали дурь на чьей-то хате.

Честно говоря, я даже не знаю, попадет ли в интернет вся эта писанина. По крайней мере, в тот интернет, где ещё остались потенциальные читатели. Может быть, её никто никогда не прочтает, а может быть, мне повезет, и какой-нибудь любитель мистических историй откопает «Стукача», чтобы потом выложить на соответствующий ресурс.

С тех пор, как я начал писать, минуло чуть больше недели. За это время список моих вконтактёвских друзей сократился с двухсот до полтоса. Хотелось бы верить, что я просто теряю популярность. Правда хотелось бы. Жаль, что пропадающие аккаунты развеивают эту иллюзию.

Большинство номеров в телефонной книжке стали «неправильно набранными». Какие-то просто исчезли, а наизусть я их не помню.

Однажды я не выдержал давящей тишины, которая сочилась сквозь окружающие меня стены. Выйдя в подъезд вонючим, небритым и заскорузлым, я в полубреду решил постучаться к соседям. На ходу родил пару дебильных предлогов: попрошу сигарет или поинтересуюсь, не стучится ли к ним какой-нибудь мудила по вечерам... Все предлоги разом испарились из моего мозга при виде голых бетонных стен на месте соседских дверей. С пустой, как эти стены, головой, я вернулся в квартиру, снова закрывшись на ключ.

И с тех пор больше ни разу не пытался выйти наружу.

Пару дней назад я размочил и съел последнюю заплесневелую горбушку. На моих ребрах можно играть, как на ксилофоне. У меня закончились чайные пакетики, сигареты, консервы, а вода из-под крана еле капает. Но мне похуй. Интернет и электричество ещё есть. Значит, есть и надежда закончить рассказ прежде, чем я исчезну окончательно.

Да, я наконец-то допер! Исчезает не мир. Исчезаю я. Как и все, кому не повезло столкнуться со Стукачом фэйс-ту-фэйс. Возможно сейчас где-то там, в другом измерении, Н. бомбит знакомых с WoT-форума вопросами о моем загадочном исчезновении, деда Мика скорбно качает головой, а несчастные родители обзванивают морги. Возможно и нет. Может быть, мир внатуре летит к чертям. Как говорил док, «либо она шлепнется в обморок, либо возникнет временной парадокс, в результате которого цепная реакция разорвет структуру пространственно-временного континуума и разрушит Вселенную». Как знать, вдруг не свезло, и случился второй вариант. Тогда этот рассказ точно останется непрочитанным.

Но мне уже все равно, по чести сказать. Умираю я или умирает мир, в любом случае все очень скоро закончится.

Сейчас, когда я пишу эти строки, с моего балкона можно увидеть абсолютно пустой двор. Нет деревьев, нет домов, нет трассы. На их месте только перекопанная земля.словно огромная могила всему окружению.

Я очень много сплю последнее время. Сон всегда был для меня отличным методом борьбы со стрессом. И потом, мне больше нечем заняться.

Я сплю, и мне снится земля — рыхлая влажная почва, окружающая меня со всех сторон. Я иду сквозь неё, как сквозь воздух, и справа от меня тянутся ряды мутных окон. Я понимаю, что не могу видеть их через слой земли, но каким-то непостижимым образом вижу. Мое периферийное зрение предательски подмечает все. Там, за стеклами, шевелится огромная, плотно набитая масса, похожая на сросшиеся тела умирающих рептилий; на скопление трупных червей; на помехи телеэкрана.

Я не хочу знать, как содержимое окон выглядит на самом деле. Но в глубине души я все равно знаю — оно будет похоже на то, из чего состояла ползущая по стене хрущевки тварь. Оно вытекает из меня. Из блеска

моих зрачков, из движения моей тени, из шороха моих шагов. Облепляет, просачиваясь в кожу, как вода в песок, и продолжает шевелиться внутри.

Жаль, я не могу сказать, что скоро не выдержу. Отсюда ведь нет выхода. Нет конца. Возможно, нет и начала. Я теперь не уверен, был ли мир когда-то другим, или я просто сочинил его от скуки, а на самом деле, никогда не было ничего, только земля, окна, бесконечные шаги и дрожь чего-то странного под кожей.

Мне уже не страшно размышлять о том, что будет, когда исчезнут даже сны.

Читать ещё

- [Номад](#)